

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Современная мировая экономика, будучи глобальной по своей природе, все более развивается в направлении усиления интеграционных процессов и на мировом, и на региональном (субрегиональном) уровнях [1]. Все страны мира — как традиционно интегрирующиеся, так и вновь включающиеся в эти процессы — стремятся посредством взаимодействия с партнерами в рамках региональных интеграционных объединений более полно реализовать свои экономические интересы, расширить сферы влияния, сформировать новые возможности.

Исследование социально-экономических процессов в мировой экономике в последней четверти XX и в начале XXI в. однозначно показывает следующее. Страны, более активно втягивавшиеся в интеграционные процессы на субрегиональном и межрегиональном уровнях, сотрудничавшие не только в рамках одного блока, но и с другими интеграционными объединениями как субъектами мирохозяйственных связей, сформировали более значительные возможности для устойчивого развития национальных экономических систем.

По единодушным оценкам экспертов в настоящее время система международных отношений переживает период трансформации. Произошедшие в последнее десятилетие прошлого века изменения затронули основополагающие принципы и системообразующие элементы мировой политической системы, став отражением долгосрочных тенденций ее эволюции.

Хотя уже накоплен достаточно большой объем разносторонних исследований по проблемам, связанным с динамикой и направлениями развития мировой экономики и международных отношений, взгляды на то, что в конечном итоге будет представлять собой новое устройство мира, чрезвычайно противоречивы. При этом большинство исследователей, говоря о причинах перемен, относят к их числу комплекс процессов, обозначаемых как «процесс глобализации» [2].

Новые реалии глобализирующегося мира заставляют по-новому оценить значение интеграции на постсоветском или, думается уже можно сказать на евразийском пространстве. В условиях, когда система международных отношений пребывает в состоянии поиска нового равновесия, а общий баланс сил в мире характеризуется преобладанием одного полюса в лице США и НАТО, навязанные стереотипы и эйфория первых лет после окончания «холодной войны» у многих сменились тревогой за собственное будущее. В современном мире не только сохранились традиционные угрозы национальной безопасности, связанные главным образом с вооруженными международными конфликтами, но и добавились новые, к числу которых относят международный терроризм, распространение наркоторговли, экологические угрозы. Сохранение национальной идентичности и право на самостоятельную внешнюю политику остается одной из важнейших задач, стоящих перед государствами, расположенными на евразийском пространстве новыми. Важной составляющей ее решения является укрепление сотрудничества и интеграции государств евразийского пространства.

В современных условиях интеграция на всем пространстве Евразии как для России, так и для Казахстана является приоритетной внешнеполитической задачей. Можно сказать, что оба государства способны сыграть в этом процессе ведущую роль. Для России, как и для Казахстана, развитие интеграционных процессов означает, прежде всего, стратегическое решение проблемы национальной безопасности. С точки зрения стратегических интересов практическая реализация идеологии евразийства способна усилить центристские тенденции, как на политическом, так и экономическом плане. Политика активизации разносторонних контактов в первую очередь со странами «ближнего зарубежья», опирающаяся на мощный фундамент взаимной заинтересованности способна привести к формированию системы экономических, культурных, информационных, политических коммуникаций оказала бы благоприятное влияние на внутривосточную ситуацию как в России, так и в других государствах СНГ. Она стала бы реальным препятствием на пути развития центробежных тенденций, проникновения исламского фундаментализма и американизма в Центральную Азию.

Кроме того, в рамках интеграции евразийского пространства могут быть сформированы действенные модели межэтнического и межконфессионального диалога,

разрешения конфликтов на этой почве. Интеграция в тех или иных формах, очевидно, приведет к выработке новых более устойчивых моделей экономического и политического развития.

В рамках реализации евразийского проекта возможно не только восстановление разрушенных экономических связей, но и выход на новые уровни экономической кооперации, что неизбежно даст позитивные результаты с точки зрения развития национальных экономик. В этой связи можно только приветствовать создание Евразийского экономического сообщества и надеяться, что на этом институциональное оформление экономического сотрудничества на постсоветском пространстве не закончится.

Сама по себе постановка вопроса об интеграции на постсоветском пространстве (а в перспективе и за его пределами), обращение к евразийским ценностям сохранения уникальности и многообразия, «цветущей сложности» европейских и азиатских культур свидетельствует о признании за каждым государством права своего собственного пути в истории. Важным аспектом евразийской идеологии является укрепление государства. Сильное государство, как показывает история, является обязательным условием выживания и развития всего российского общества. Оно является также неотъемлемым условием создания объективных предпосылок для самостоятельной политики, в том числе и в сфере сохранения национальной культуры, традиций и ценностей [3].

Мы уверены в потенциальной пользе и необходимости новой интеграции на постсоветском пространстве. Однако реальность заставляет быть осторожным оптимистом. Для того чтобы лучше понимать эту реальность, стоит немного внимательнее присмотреться к политике и мотивации правящих элит наиболее крупных и значимых игроков на постсоветском пространстве.

Многим экспертам в качестве наиболее оптимальной модели возможной постсоветской реинтеграции представляется союз России, Украины, Белоруссии и Казахстана [4]. Поэтому на примере этих стран попытаемся рассмотреть перспективы интеграционных процессов.

Интенсивность и эффективность развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве вызывает противоречивые мнения. С одной стороны, наличие общих границ, общих угроз, общая история, общее геополитическое положение, общая экономика и культура наших стран и народов объективно должны способствовать интеграционным процессам. С другой стороны, национальные элиты государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, ищут новые варианты исторического и политического развития, ориентированные либо на Европу и США, либо на Китай или Турцию. Это создает дополнительную напряженность в процессах интеграции, поскольку требует учёта разнообразных интересов всех участников интеграционных процессов. Следствием этого является то, что на постсоветском пространстве были созданы и функционируют институты интеграции разного уровня: начиная от СНГ, Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и кончая Единым экономическим пространством (ЕЭП) и Таможенным союзом (ТС). Множество однородных интеграционных образований во многом дублируют друг друга, имеют одни и те же основные задачи и функции. В СНГ, ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ, ШОС участвуют, за определенным изменением состава, одни и те же страны, их лидеры и чиновники. Одни и те же вопросы можно обсудить и решить в формате практически любой структуры. Эта ситуация негативным образом сказывается на эффективности интеграционных процессов и требует скорейшего политического решения.

Одним из первых образований на постсоветском пространстве стало Содружество независимых государств (СНГ). Оно образовалось в 1991 г. Идеология, структуры, институты и практика деятельности Содружества действительно обеспечили то, что распад СССР не пошел по югославскому сценарию, а многочисленные межнациональные конфликты на территории СНГ удалось в основном приглушить уже в течение первых двух-трех лет существования Содружества. Но, не допустив превращения процесса распада крупнейшей ядерной державы мира в кровавый хаос, СНГ не смогло стать действенным механизмом реинтеграции бывших союзных республик на новой основе.

Именно поэтому президент Казахстана Нурсултан Назарбаев еще в 1994 г. выступил с инициативой создания Евразийского союза. В основу его предполагалось положить примат общих интересов постсоветских государств над их частными интересами. Идея создания упомянутого интеграционного объединения, как известно, претерпела многие метаморфозы — от «интеграционной четверки» через Таможенный союз к созданному осенью 1999 года Евразийскому экономическому сообществу. Казалось бы, удалось создать организацию, которая может послужить основой евразийской

интеграции. Но здесь проблема заключается в том, что организационная структура сообщества и правовые механизмы евразийской интеграции сформулированы в учредительных документах ЕврАзЭС в крайне общей форме [5]. Напомним, что Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) был подписан 10 октября 2000 г. в Астане президентами Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана. Изначально ЕврАзЭС представляло собой международную экономическую организацию, наделенную функциями, связанными с формированием общих внешних таможенных границ входящих в нее стран (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан), выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка. К настоящему времени в рамках ЕврАзЭС создан Таможенный союз, в который вошли Россия, Казахстан. Таможенный союз начал функционировать де-юре с 1 января 2010 года (введен единый таможенный тариф). При этом Единая таможенная территория появится только с 1 июля 2010 года, когда вступит в силу Таможенный кодекс.

Создание Таможенного союза вновь продемонстрировало все сложности и противоречивость процессов интеграции. В процессе подготовки проекта ТС из него по различным причинам вышли Киргизия, Таджикистан и Узбекистан.

Это является еще одним свидетельством того, что для осуществления интеграционных процессов необходима экономическая и политическая стабильность, а также политической воля правящей элиты. Но позиции национальных элит постсоветских государств часто носят конъюнктурный характер. В погоне за сиюминутной экономической выгодой элиты порой забывают о стратегических интересах общества и государства.

Нельзя не принимать во внимание тот факт, что примитивный экономизм в оценке любых процессов приобрёл тотальный характер в постсоветской элите, а через СМИ зачастую навязывается и обычным гражданам. Суть его сводится к четырем простейшим принципам:

- деньги решают всё, любые проблемы; за деньги можно купить всё, включая политическую лояльность;
- правильно и нужно то, что приносит быстрые и большие деньги;
- личный (в лучшем случае групповой) корыстный интерес важнее всего; всё остальное — это «лирика», удел слабых и глупых;
- конъюнктура по факту важнее стратегии, так как стратегия может не принести конкретным представителям элиты ощутимых дивидендов при жизни (в лучшем случае перспектива измеряется жизнью собственных детей, в худшем — сроком пребывания на должности) [6]. То, что подобный подход не является ни государственным, ни ответственным, в расчет не принимается. Дело усугубляется повсеместными личными связями политиков с бизнесом и их прямой заинтересованностью в росте доходов тех или иных компаний.

В этой логике никакая интеграция не может стать приоритетом внешней политики, даже если для этого есть некоторые экономические основания. Интеграция предполагает в отдельных случаях необходимость поступиться собственными интересами ради общей цели, которая выше (и в перспективе выгоднее) сиюминутной прибыли. «Рыночное» мышление нынешних постсоветских элит подобный подход отторгает. Исключение делается в самых крайних случаях наличия прямой угрозы доходам, карьере, статусу, здоровью или жизни конкретных представителей элиты. Деструктивное влияние подобного мировоззрения на интеграционные процессы очевидно. Радикальное изменение положения дел в ближайшее время представляется очень проблематичным.

Резюмируя, можно сказать, что позитивные тенденции евразийской интеграции, конечно, имеются. Определённый прогресс в начале XXI в. в сравнении с 90-ми годами XX в. очевиден. Но время идет гораздо быстрее, чем этот прогресс, с каждым годом уменьшая шансы на полноценную интеграцию. Однако мы сохраняем веру и убежденность в том, что, несмотря на все препятствия и разногласия, присущие процессам евразийской интеграции, она состоится и станет важнейшим фактором мировой политики.

Литература

1. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. — М., 2001; Шкваря Л.В. Экономическая интеграция в условиях глобализации мировой экономики: трансформация форм и теорий. — М., 2006; Шкваря Л.В. Россия в интеграционных процессах на постсоветском пространстве: современные особенности // Проблемы современной экономики. — 2009. — № 4; Максимова М.М. Приемлем ли опыт Европейских сообществ для России и СНГ? — М., 2007.
2. Вавилов А.Н. Геополитические доминанты национальной безопасности: Россия в XXI веке и евразийская интеграция // www.nasledie.ru

3. Вавилов А.Н. Геополитические доминанты национальной безопасности: Россия в XXI веке и евразийская интеграция // www.nasledie.ru
4. Михеев С. Постсоветское пространство: элиты против интеграции // www.apn.kz. 2006.12. 21
5. Бальтников В. В перспективе — Евразийский союз // Независимая газета. — 2002-01-21
6. и Михеев С. Постсоветское пространство: элиты против интеграции // www.apn.kz. 2006.12. 21